

ДЭЙВ
ЭГГЕРС

**DAVE
EGGERS**

**A HEARTBREAKING
WORK OF STAGGERING
GENIUS**

ДЭЙВ
ЭГГЕРС

**ЗАХВАТЫВАЮЩИЕ ДЕЯНИЯ
ИСКРОМЕТНОГО ГЕНИЯ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111.09(73)
ББК 83.3(7Coe)-8
Э17

Серия «От битника до Паланика»

Dave Eggers
A HEARTBREAKING WORK
OF STAGGERING GENIUS

Перевод с английского *А. Анастасьева*

Серийное оформление
и компьютерный дизайн *В. Половцева*

Печатается с разрешения автора
и литературного агентства The Wylie Agency (UK), Ltd.

Эггерс, Дэйв.

Э17 Захватывающие деяния искрометного гения : [роман] / Дэйв Эггерс ; [Перевод с английского А. Анастасьева]. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 480 с. — (От битника до Паланика).

ISBN 978-5-17-123282-5

В 21 год его жизнь резко изменилась. После смерти обоих родителей он оказался единственным опекуном своего младшего брата. Их совместная жизнь безумна и неопределенна. Дэйв пытается найти себя во взрослой жизни: издает журнал, участвует в смелых арт-проектах и в меру своих представлений о «правильном» заботится о брате, а девятилетний Кристофер живет обычной подростковой жизнью, насколько это возможно в таких обстоятельствах.

Именно об этом — о сиротстве и любви братьев друг к другу — Эггерс пишет в своей дерзкой, смешной и трогательной автобиографии. Хотя это не просто мемуары, а произведение захватывающей изобретательности обо всем поколении X — американской молодежи конца девяностых — начала нулевых.

Сейчас Дэйв Эггерс — почетный доктор литературы, автор десяти книг и номинант Пулитцеровской премии.

**УДК 821.111.09(73)
ББК 83.3(7Coe)-8**

© David («Dave») K. Eggers, 2000, 2001
© Перевод. А. Анастасьев, 2019
ISBN 978-5-17-123282-5 © Издание на русском языке AST Publishers, 2021

ВЫ ЭТОГО
НЕ ЖДАЛИ

ДЭЙВ ЭГГЕРС

ЗАХВАТЫВАЮЩИЕ
ДЕЯНИЯ
ИСКРОМЕТНОГО ГЕНИЯ

Копирайт © Дэвид «Дэйв» Эггерс 2000, 2001

Все права защищены, включая право на воспроизведение полностью или частично в любой форме.

Рост: 5'11"; вес: 170; цвет глаз: голубой; цвет волос: шатен; руки: пухлее, чем можно было ожидать; аллергические реакции: только от злости.

Опубликовано в США издательством «Винтидж Букс», подразделением «Рэндом Хаус, Инк.», Нью-Йорк. «Рэндом Хаус» *целиком* принадлежит крупнейшей немецкой компании «Бертельсманн А.Г.», которая владеет слишком многим, всего не перечислить. Тем не менее, независимо от того, насколько велики такие компании, чем бы ни владели, сколько бы ни зарабатывали, их влияние на повседневную жизнь и души людей, как и влияние 99 процентов того, что делают официальные лица в таких городах, как Вашингтон, или Москва, или Сан-Паулу, или Окленд, их влияние на короткую, полную опасностей жизнь людей, которые бредут по жизни, спят и видят сны, где плавают в кровотоке, которые любят запах резинового клея, а во время полового акта мечтают о полетах в космос, очень и очень мало, и поэтому вряд ли о нем стоит беспокоиться.

Часть данной книги в несколько иной форме печаталась в журнале «Нью-Йоркер».

Впервые опубликовано в США немного в другом виде в 2000 г. издательством «Саймон и Шустер», Нью-Йорк.

ПРИМЕЧАНИЕ. Это художественное произведение является вымыслом только в тех многих случаях, когда автор не мог вспомнить точных фраз, сказанных определенными людьми, и точного описания определенных предметов, так что ему пришлось заполнять пробелы. В остальных случаях все персонажи, события и диалоги реальны, не являются плодом воображения автора, поскольку на момент написания данной книги у автора не было никакого воображения для такого рода вещей и он не мог *придумать* историю или персонажей — это для него было бы равносильно вождению автомобиля в костюме клоуна, — особенно когда он мог многое рассказать о своей жизни — правдивой, печальной и вдохновляющей, о реальных людях, которых он знал, и, конечно, о впечатляющих выкрутасах своего захватывающего и сложного ума. Любое сходство с реальными людьми, живыми или мертвыми, должно быть очевидным для них и тех, кто их знает, особенно если автор был достаточно любезен, чтобы указать их настоящие имена и в некоторых случаях еще и телефонные номера. Все описанные здесь события действительно происходили, хотя иногда автор позволял себе некоторые, очень небольшие, вольности с хронологией, но это его право как американца.

Прежде всего:
Я устал.
Сердце мое чисто!

А также:
Вы устали.
Сердце ваше чисто.

Правила и предложения для тех, кто хочет получить удовольствие от чтения этой книги:

- Крайней нужды читать это предисловие нет. Seriously, нет. Оно написано главным образом для самого автора, а также ради тех, кто, дочитав до конца эту книгу, почему-либо обнаружил, что читать им больше нечего. Если же вы уже прочли это предисловие и пожалели об этом, приносим свои извинения. Надо было предупредить еще раньше.
- Точно так же нет чрезмерной необходимости в том, чтобы читать раздел, в котором автор выражает свою признательность тем, кто помог в работе над этой книгой. Многие из ее первых читателей (см. стр. XLII) предлагали что-то сократить, что-то поменять местами, но предложения эти были отвергнуты. В любом случае для сюжета книги этот раздел сколько-нибудь существенного значения не имеет, и если, как и в случае с предисловием, вы уже прочли его, опять-таки приносим извинения. Надо было как-то дать знать.
- Равным образом, если у вас плохо со временем, можно пропустить содержание.
- Помимо того, многим из вас, наверное, захочется пропустить большой кусок из середины книги, а именно страницы 238—353, где описывается жизнь людей, которым чуть за двадцать, а жизнь в эти годы очень трудно изобразить так, чтобы она была интересна другим, хотя тем, кто этой жизнью жил, она казалась весьма интересной.
- По совести говоря, кое-кого из вас вполне могут удовлетворить первые три-четыре главы. То есть вы можете прервать чтение где-то в районе 121 страницы — нормальный объем для повести. Эти первые четыре главы посвящены одной общей теме, которую легко «переварить»; об оставшейся части книги этого не скажешь.
- Эта оставшаяся часть написана несколько неровно.

Предисловие к настоящему изданию

Что бы там автор ни заявлял в других местах, эта книга не является по-настоящему документальным произведением. Многие ее части представляют собой вымысел — в разной степени и разные цели преследующий.

Диалоги. Они, конечно, почти полностью переработаны. Сохраняя верность действительности — кроме тех случаев, когда персонажи вываливаются из своего пространственно-временного континуума, чтобы поразглагольствовать о самой книге, — диалоги эти воссозданы, однако, по памяти. Таким образом, их ограничивают и возможности этой самой памяти, и воля авторского воображения. Все слова и предложения, данные от первого лица, были пропущены через конвейер, сконструированный примерно таким образом: 1) их вспомнили; 2) их записали; 3) их переписали, чтобы они звучали более точно; 4) их подвергли редактуре, дабы они звучали более естественно в предлагаемых обстоятельствах (не отклоняясь при этом от подлинного смысла высказывания); 5) их подвергли редактуре по второму разу, чтобы избавить автора и персонажей от неловкости, каковая неизбежно возникла бы, если б прямая речь, которая почти неизменно начинается со слова «чувак», — например, «чувак, она померла!» — была перенесена на бумагу в своей первоизданности. Примечательно, однако, что самые неправдоподобные диалоги — вроде разговоров с латиноамериканскими подростками или с несчастной обманутой Дженной — как раз ближе всего к действительности.

Персонажи и их характеристики. Скрепя сердце автор вынужден был изменить несколько имен и далее по ходу всего повествования скрывать реальных людей за псевдонимами. Самый выразительный пример в этом смысле — некто Джон, чье имя на самом деле вовсе не Джон. Дело в том, что реальный прототип законно восстал против того, чтобы не-

которые темные стороны его биографии вытаскивали на свет. Впрочем, прочитав рукопись, он разрешил «передать» свои поступки и слова условному «другому». Тем более что персонаж являет собою не точную копию, а скорее... амальгаму. С Джоном все именно так. Для правдоподобия характера и в интересах всего повествования пришлось осуществить нечто вроде эффекта домино, — то есть позволить себе в иных случаях дальнейший вымысел. Например, в реальной жизни Мередит Вайсс (реальная личность) не так уж близко знакома с Джоном. На самом деле посредником в этой истории выступила вовсе не Мередит, а другой человек, но его появление обнажило бы кое-какие связи и, более того, выдало бы бедного Джона, чего нельзя допустить. В общем, автору пришлось позвонить Мередит:

— Привет.

— Привет.

— Ты не против, если тебе придется делать [то-то и то-то] и говорить [то-то и то-то], чего на самом деле ты не делала и не говорила?

— Да нет, ничуть не против.

Как-то так. При этом следует отметить, что сцена в главе 5, где Мередит играет ключевую роль, не вымышлена. Можете сами спросить ее. Она живет в Южной Калифорнии.

Во всех остальных случаях указания на изменения имен содержатся в тексте. Идем дальше.

Место и время. В некоторых случаях место действия изменено. Особенно этой касается главы 5, где подмена случается дважды. Разговор с Дженной, в котором рассказчик общается ей, что Тоф сначала выстрелил из винтовки в школе, а затем скрылся, на самом деле произошел не в тот вечер и не там, где описано, а на заднем сиденье машины, ехавшей с одной вечеринки на другую накануне нового, 1996-го, года. В этой же главе, но чуть дальше, рассказчик и упомянутая Мередит встречаются на берегу залива Сан-Франциско с несколькими молодыми людьми. На самом деле этот эпизод, во всем остальном полностью достоверный, произошел в Лос-Анджелесе. Кроме того, в этой главе, как и в некоторых других, течение времени было ускорено. Как правило, на это указывается в тексте; здесь мы лишь заметим, что в последней трети книги многое, как может показаться, про-

исходит в сжатый отрезок времени, и хотя в большинстве случаев это соответствует действительности, есть и исключения. Следует особо отметить, что в главах 1, 2, 4 и 7 никаких временных сдвигов нет.

Название. Ну да, о названии. Отец автора любил выражаться примерно так: «Кто величайший адвокат в мире?» — вопрошал он, влетая в дом после рабочего дня. Скорее всего, величайшим адвокатом в мире он не был, но день у него прошел хорошо, и привычка излагать не такие уж выдающиеся достижения чрезмерно возвышенным стилем стала семейной традицией. Отдавая дань этой традиции и развивая ее, автор и назвал эту книгу — этот саморазоблачительный бред — так, как назвал.

Замечание о школе «Колумбайн». Эта книга была написана, а слова, в ней звучащие, произнесены задолго до трагических событий в этой школе¹ и непосредственно за ее пределами. Легкомысленного тона, сознательно или нет, по отношению к таким вещам здесь нет.

Пропуски. По просьбе некоторых супругов и людей, состоящих между собою в близких отношениях, автор выпустил некоторые отличные эротические сцены. Также он убрал удивительный — и на сто процентов правдивый — эпизод с участием большинства главных героев этой книги и одного кита. И вообще, в настоящем издании опущен целый ряд фраз, абзацев и отрывков.

Например:

С. 36

Мы лежим, и остается лишь несколько часов (тянующихся, впрочем, долго), в течение которых будут спать Бет, и Тоф, и моя мать. Я большую часть этого времени бодрствую. Я люблю темноту ночи, особенно время между двенадцатью и половиной пятого, когда вокруг царит пустота, когда потолки твердеют и уходят вверх. Тогда, пока остальные спят, я могу дышать, думать, в какой-то

¹ Речь идет о массовом убийстве в школе «Колумбайн» в апреле 1999 года, когда двое старшеклассников застрелили двенадцать учеников и одного учителя и ранили еще двадцать три человека, после чего застрелились сами. — *Здесь и далее примечания редактора, если не указано иное.*

мере могу даже останавливать ход часов так, чтобы — давняя моя мечта — кропотливо трудиться ради тех, кто находится в глубоком забытии, подобно тому как эльфы мастерят туфельки для детей, пока те спят.

Лежа, вымокший до нитки, в этой янтарного цвета комнате, я думаю, удастся ли мне задремать под утро. Мне кажется, удастся. Мне кажется, я смогу поспать, скажем, часов с пяти до десяти, пока не появятся, чтобы прибраться, медсестры. Так что сейчас можно и пободрствовать.

И все же этот диван с хлипким матрасом убивает меня. Металлическая перекладина впивается мне в спину, давит на хребет, прямо-таки размалывает его. Тоф ворочается, брыкается. А с противоположной стороны комнаты доносится *ее* неровное дыхание.

С. 124

Как все это вынести? Биллу нужно по каким-то делам, мы с ним и с Тофом едем на машине по мосту через залив Сан-Франциско и говорим про биржевые операции. Про то, что, проведя выходные на Манхэттене с Биллом и двумя его приятелями-брокерами, Тоф тоже захотел стать брокером. Билл, узнав об этом, страшно возбуждается, хочет купить ему пару подтяжек, карманный биржевой тикер...

«Мы подумали, что Тоф с его талантом к математике и всему такому может сделать на этом поприще блестящую карьеру...»

Я едва не вылетел из машины и не упал с моста.

С. 197

Почему леса?

Понимаете, мне нравятся строительные леса. Мне нравятся строительные леса не меньше, чем само строительство. Особенно если эти леса красивы. В своем роде, конечно.

С. 207

Алкоголизм и ощущение смерти делают человека всеядным, одновременно беззаботным и пугливым, аморальным, несчастным.

Ты действительно в это веришь?

Иногда. Конечно. Нет. Да.

С. 216

...Еще в школе я нарисовал целую серию портретов членов нашей семьи. Первый — Тофа, с фотографии, которую сам же и сделал. По заданию ради точности следовало разделить изображение на клетки, так что картина, выполненная темперой, получилась то что надо. В результате он на ней как живой. Чего нельзя сказать об остальных — ведь их фотографий, разделенных на клетки, у меня не имелось. Я нарисовал Билла, но выражение лица получилось слишком наряженным, глаза слишком темными, волосы взлохмаченными, как у Цезаря, но совершенно не как у брата. Портрет Бет, выполненный со снимка, где она в выпускном платье, тоже не получился — кроваво-красная кожа на фоне розовой тафты; его я отбросил сразу. На старом диапозитиве мамы и папы они в пасмурный день сидят в лодке. Большую часть снимка занимает мама, она смотрит в объектив, а отец выглядит из-за ее плеча; он сидит в центре лодки, не подозревая — или только делая вид, что не подозревает, — о съемке. Рисунок, сделанный с этого диапозитива, я тоже забраковал — никакого сходства. Всякий раз, когда мои творения попадались на глаза кому-нибудь из родственников, они брезгливо отводили взгляд. Билл, тот вообще пришел в ярость, увидев свой портрет в публичной библиотеке. «Это вообще законно? — воззвал он к отцу-юристу. — Что он намалевал? Я здесь сущее чудовище!» И он был прав. Действительно чудовище. Так что, когда на первом курсе Рики Сторр попросил меня нарисовать портрет его отца, я заколебался — ведь меня постоянно мучила неспособность изобразить человека, не искажая черт его лица. Все получалось как-то неловко, бездарно. И все же я уступил Рики — из уважения. Даже испытал волнение от оказанной мне чести написать портрет его отца на память. Короче, Рики принес мне черно-белую фотографию с каких-то документов, и я взялся за дело. Изо дня в день, целыми неделями, наносил мазок за мазком. В конце концов работа была окончена, и, на мой взгляд, сходство пор-